

собственный *космос*. Он представил символотворчество как еретический акт, ища скрытые смыслы в материальном мире вещей, преображенном символической игрой.

Статические оппозиции в алхимии, утратив подлинно антидетическую природу, обрели статус изделия по отношению к беспредельной христианской духовности. Сама алхимия предстала антитезой, изображая в материальных гиперболических обличьях духовность средних веков. Бытие алхимии как гротескно преувеличенной материальности есть небытие христианской духовности. Но именно поэтому алхимия есть максимальное мирское бытие этой же духовности. По-видимому, лишь в антидетической паре существуют и алхимия, и официальное средневековье в составе единой культуры европейских средних веков. Последующие главы, может быть, основательней подтвердят это предположение.

Завершается диалог в замкнутом мире, постепенно стихая, но все настойчивее безмолвно взывая к иным собеседникам из иных культур, которых давно уже как бы имитирует алхимия.

Антидетизм официального средневековья возвышается над плоской дихотомией черного и белого, *мужского* и *женского*. Умерщвленный в алхимическом символизме, он обозначает свою черно-белую дисгармонию, но лишь для того, чтобы опять и уже окончательно быть размытым в мифотворческой сплошной однородности.

БОЛЕЕ ЧЕМ тысячелетний диалог «канонического» христианства и его алхимии, его оккультного спутника, в замкнутом мире культуры европейских средних веков взаимно обессилил спорящих собеседников. Алхимик принимал обличье истового христианина. Христианин, глядясь в кривое алхимическое зеркало, «исправлялся», подгоняя себя к кривозеркальному своему изображению. Новая фаза диалога. Новый прищур пересмешника. В ответ — новое мимикрическое приспособленчество. И так до полного взаимоотожествления. Именно этим бы и закончилось, если бы диалог всю эту тысячу лет оставался одинаково острым. Диалогический поединок разлаживается. Собеседники глядят в глаза друг другу, но уже не видят друг друга. Слушают друг друга и... не слышат. Нужны новые оппоненты — собеседники из культур сопредельных, синхронно или диахронно сопредельных, но непременно из иных культур. Но возможны ли инокультурные вторжения в интеллектуальный поединок, происходящий в замкнутом мире культурного средневековья? А если возможны, то каким образом они возможны?

Генотип алхимии предполагает поликультурные ее составляющие. Историческое призвание алхимического пересмешника состоит в ежесекундном как бы передразнивании правоверного христианина. При этом алхимик-шут неразборчив в средствах. Карикатура тем откровенней и острей, чем недозволенной и оскорбительней средства: гностический змей, неоплатоническое *единое*, кабала, древнеегипетское жречество, мирской ригоризм ислама... — все идет в дело. Но все эти инокультурные средства воплощаются: становятся равноправными собеседниками на алхимиче-